

С того времени Чэн Хуаня больше никто не смел обижать. Он целыми днями погружался в книги, которые одалживал ему Ли Цзиньюй, и жизнь его стала на редкость безмятежной.

Зато Ли Цзиньюй из-за этого случая стал пристально следить за семнадцатым принцем.

Даже когда старый премьер-министр на досуге спрашивал внука, кто из принцев обладает лучшим нравом, глаза Ли Цзиньюя загорались, и он неизменно отвечал: «Семнадцатый принц».

Старик-министр кое-что подметил, но не стал вмешиваться.

Родители этого ребенка рано ушли из жизни, и дед, будучи строгим лишь в учении, в остальном позволял внуку следовать зову сердца.

Обычно Ли Цзиньюй перестал клевать носом на занятиях, но теперь он тайком заглядывался на семнадцатого принца.

За это он несколько раз получал от наставника линейкой по рукам — правда, не так сильно, как в тот день Чэн Хуань; наставник всё же умел смотреть на лица и чины.

После уроков семнадцатый принц подошел к нему и протянул пузырек с мазью от ран. После того случая он искренне считал Цзиньюя своим братом и во всем проявлял к нему заботу.

Ли Цзиньюй взял мазь, но не стал ею мазаться.

Ночью он спал, прижимая пузырек к себе, а на следующее утро мазь подтаяла, крышка случайно соскочила, и целебная жидкость разлилась по всей постели.

Самым неприятным было то, что его ладонь сильно опухла. Дед велел ему оставаться дома и лечиться, запретив ходить в академию Гоцзыцзянь, пока рука не заживет.

Ли Цзиньюю ничего не оставалось, кроме как читать книги в кабинете. Со временем он начал впадать в забытие, и цветы за окном мерещились ему образом деда.

Дед, сердито топорща бороду и сверкая очами, кричал: «Опять витаешь в облаках!»

И это был настоящий дед!

Ли Цзиньюй так перепугался, что нечаянно порвал книгу в руках. Дед зашел в комнату и долго отчитывал его, сокрушаясь о новой книге, а в конце велел завтра же возвращаться в академию.

Ли Цзиньюй был несказанно рад.

На следующий день, во время обеда, семнадцатый принц подошел к нему и спросил, почему его не было несколько дней.

Ли Цзиньюй ответил: «Рука еще не совсем зажила».

Семнадцатый принц взял руку Ли Цзиньюя, чтобы осмотреть её: опухоль спала, но красные следы еще не сошли. Он слегка коснулся их, и Ли Цзиньюй вскрикнул: «Больно!»

Принц наклонился и осторожно подул на его ладонь, спрашивая: «Всё еще больно?»

Ли Цзиньюй буквально светился от счастья и застенчиво прошептал: «Немного болит».

Чэн Хуань, не в силах на это смотреть, уступил место двоим благодетелям и ушел обедать к окну.

Позже Ли Цзиньюй всё чаще стал сниться семнадцатый принц, и порой в этих снах были весьма нескромные сцены. Со временем это стало его тяготить, и он перестал сметь смотреть принцу прямо в глаза.

Будучи в добрых отношениях с седьмым принцем, Ли Цзиньюй решил спросить у него, что это значит.

Седьмой принц с таинственным видом изрек: «Цзиньюй, в тебе пробудились весенние чувства». Сказав это, он тут же отправился в павильон Люсян к своей любимой красавице.

Ли Цзиньюй опешил, и только тогда всё понял.

Когда няня вышивала для него мешочек для благовоний, Ли Цзиньюй решил, подражая простым девушкам из народа, вышить такой же для того, кого любил.

Но вышивка выходила кривой и косой, а все его руки были в крошечных проколах от иглы.

Он написал письмо, чтобы выразить свои чувства: «О, если б я был звездой, а ты — луной, чтоб каждую ночь сиять друг другу в чистой вышине».

Бумагу для письма он с трудом выпросил у деда — это была бумага «люша» с золотистыми вкраплениями, лист которой стоил целое состояние.

Он писал чернилами с добавлением золота, так что строки переливались и сияли. Это золотое зерно он долго копил из подарочных денег на Новый год.

Ли Цзиньюй с упоением смотрел на письмо: «Уж теперь-то он точно всё поймет».

Радостный, он направился к семнадцатому принцу, чтобы вручить послание, но услышал, как толпа принцев обсуждает, насколько красива принцесса Чжэмэй, прибывшая из страны Даюэ.

Один из принцев, видя, что семнадцатый молчит, спросил: «Семнадцатый, а тебе нравится принцесса Чжэмэй?»

Семнадцатый принц в этот момент думал о том, как Ли Цзиньюй с каждым днем становится всё краше, и, не вникая в суть разговора, машинально кивнул.

Сердце Ли Цзиньюя упало.

Он вернулся назад и отдал вышитый мешочек Чэн Хуаню. Тот, будучи книжным червем, ничего не заподозрил, лишь проворчал, что мешочек уж больно некрасивый.

Письмо на бумаге, стоившей дорожке золота, так и осталось лежать между страниц книги и больше никогда не вынималось, будучи сокрытым вместе с той давней юношеской влюбленностью.

Наследный принц погиб в бою, старый император скончался, и на трон взошел семнадцатый принц.

Старый премьер-министр перед смертью дрожащей рукой сжал ладонь Ли Цзинъюя: «В этой жизни ты должен быть верен государю и любить отечество, не допуская измены в сердце. Император еще молод, ты обязан помочь ему править страной».

Ли Цзинъюй, плача, дал обещание.

Чэн Хуань успешно сдал государственные экзамены, быстро продвинулся по службе и стал помощником главы ведомства (чжуншу шилан).

Ли Цзинъюй тоже стал премьер-министром, поклявшись всю жизнь поддерживать нового монарха.

Но император, будучи совсем молодым, вдруг растерял свой юношеский благородный нрав. Целыми днями он только и думал о том, как бы совершить что-нибудь во вред народу.

Премьер-министр ежедневно мучился от головной боли, пока не обнаружил: стоит ему притвориться, что он собирается разбиться о колонну, как император сразу становится покладистым.

Это оказалось куда проще, чем твердить в тронном зале о человеколюбии, долге и мудрости.

<http://bllate.org/book/17312/1620404>